

· ДЕНЬ ПЕРВЫЙ ·

ВПЕРВЫЕ НА БЕРЕГ ОСТРОВА ВЫНЕСЛО БОЧКУ ИЗ-ПОД НЕФТИ. За годы чем только не бывал усеян галечный пляж: рваными рубашками, кусками веревки, крышками от ланч-боксов, прядями искусственных волос. А иногда, как и сегодня, выносило трупы. Этот лежал позади бочки, протянув к ней руку, как бы говоря, что он проделал с ней долгий путь и не хочет расставаться.

Сперва Самуэль увидел только бочку — через одно из окошек маяка, — когда спускался утром из башни. Спускаться приходилось осторожно. Древние каменные ступени истерлись и продавлились — того гляди поскользнешься. В редких местах, где позволял цемент, Самуэль вогнал в стену металлические ручки, но основную часть пути приходилось цепляться растопыренными пальцами за шершавую кладку.

Бочка, пластиковая и синяя, как рабочий комбинезон, бултыхалась в ручье, оставаясь в поле зрения Самуэля, пока он спешил к берегу. При-

близившись, он заметил тело. Он отступил и обошел вокруг бочки. Бочка была толстой, как президент, и с виду целой.

Самуэль осторожно поднял ее. Она оказалась пустой и запечатанной. Но, несмотря на легкость, держать ее было трудно. Самуэль не смог бы обхватить такую гладкую поверхность своими грубыми руками и унести по коварной гальке и валунам, а потом еще подняться по песчаной тропинке, продираясь через заросли, до коттеджа на мысу, возле башни маяка. Возможно, он мог бы сходить за веревкой и привязать бочку к спине, чтобы не катить допотопную дощатую тачку с растрескавшимся колесом, застревавшим на ухабистом пляже, которая так и норовила перевернуться под собственным весом.

Да, лучше он оттащит бочку на спине. А потом, во дворе, вынюхает старую ножовку, ютившуюся где-то среди мешковин и гниющих досок. Сотрет ржавчину с полотна, заточит, как только сможет, спилит с бочки верхушку и поставит ее к углу коттеджа, под кровельный желоб, чтобы собирать дождевую воду для огорода.

Самуэль шмякнул бочку оземь. Она накренилась на неровной поверхности и задела руку трупа. Самуэль совсем забыл о нем. Он вздохнул, поймав, что уйдет целый день, чтобы избавиться от него. Целый день. По-хорошему следовало бы от-

тащить его подальше и закопать, но это было невозможно на скалистом острове, едва присыпанном песком. Единственное, что оставалось, — это завалить труп камнями, как Самуэль делал уже не раз. А этот покойник был на редкость крупным. Во всяком случае, длинным. Вдвое длиннее бочки, словно морская пучина растянула ему кости.

Руки выглядели несуразно внушительными по сравнению с худым торсом с выступавшим позвоночником и ребрами. На лопатках курчавились черные волосы, как и на пояснице, над серыми джинсовыми шортами. Такие же волосы — удивительно короткие для такого дяды — курчавились на ногах, предплечьях и между пальцами. Самуэлю стало не по себе. Это были волосы новорожденного звереныша или младенца, перележавшего в утробе. Кого же на этот раз море извергло на камни из своего лона?

Солнце поднималось все выше, серебря на теле волосы, покрытые солью. На голове волосы тоже посерели из-за набившегося песка. Песчинки покрывали и видимую часть лица — край лба и закрытый глаз. Остальная часть лица вжималась в плечо.

Самуэль поцокал языком. Это подождет. Сперва он займется бочкой, а на следующий день, если труп еще не смоеет в море, придется накрошить валунов, чтобы засыпать его.

За двадцать три года, что Самуэль был смотрителем маяка, море успело выбросить ему тридцать два трупа. Все, как один, безымянные и безвестные. Когда к власти только пришло новое правительство, вовсю сыпавшее обещаниями, в стране царил хаос и велись розыски жертв диктаторского режима, державшегося четверть века, Самуэль докладывал о трупах. После первого такого случая на остров нагрянули официальные лица, с папками и дюжиной мешков для трупов, и принялись прочесывать местность в поисках неглубоких могил, останков между валунами, костей и зубов, затерявшихся в гравийном песке.

«Вы же понимаете, — сказала ему чиновница, осматривая царапины на своих лакированных каблуках, — мы дали обещания. Мы должны найти всех жертв диктатуры, чтобы двигаться дальше, в национальном масштабе. Мои коллеги нашли в поле на окраине столицы общую могилу, насчитывавшую как минимум полсотни тел. Еще один коллега обнаружил останки семерых человек, висевшие в лесу на деревьях. Они до сих пор там висели — вы понимаете? — все это время. Кто знает, скольких еще мы найдем здесь? Уверена, что много. Это идеальная свалка».

«Вы так думаете?»

«Еще бы, только оглядитесь, — она обвела

пространство рукой. — Никого на целые мили. Совершенно никто ничего не увидит, не услышит и не сделает».

Чиновница наклонилась к нему и понизила голос:

«Поговаривают, что у него были секретные лагеря, по типу концлагерей, куда он отправлял умирать диссидентов. Конечно, мы пока не знаем, насколько это соответствует действительности. Мы еще не нашли доказательств, но таким местом вполне мог быть этот остров — не думаете? Разве не в такое место вы бы отправили кого-то умирать?»

Самуэль ничего не ответил, а женщина уже отвернулась от него и окликнула своего подчиненного, постукивая по наручным часам.

«Ищите дальше», — сказала она, когда подчиненный покачал головой.

Она снова повернулась к Самуэлю и сказала:

«Когда мы найдем тела, вот тогда и начнется исцеление — всей нации, всех нас. Без этого нам не исцелиться. Нам нужны эти тела».

Когда все члены команды вернулись на берег с пустыми руками, не сумев за день работы предъявить ничего, кроме выброшенного на берег трупа, чиновница стремительно направилась к своему катеру, даже не потрудившись попрощаться. Самуэль больше ничего не слышал ни от

нее, ни от ее ведомства. Он так и не узнал ни что случилось с покойным, ни кем он мог быть.

Несколько месяцев спустя — возможно, через год — Самуэль увидел три маленьких тела, выброшенные рядышком на берег: мальчика, девочки и младенца в одеяле. В те дни рация на маяке еще работала, и Самуэль связался с берегом. Он услышал женский голос, прерываемый помехами:

«Какого они цвета?»

«Что?»

«Какого они цвета? Тела. Какого цвета?»

Он ничего не ответил.

«Что я спрашиваю: они темнее нас, их кожа? Вот что я хочу знать. Они темнее, чем вы или я?»

«Думаю, что да».

«А их лица? Они длиннее? Какие у них скулы?»

«Не знаю. Это дети. Они выглядят как дети».

«Слушайте, у нас хватает дел. Мы занимаемся настоящими преступлениями. Реальными зверствами, понимаете? Мы не можем мотаться на этот остров каждый раз, как утонут очередные беглые повстанцы. Это не наша забота».

«Тогда что мне с ними делать?»

«Да что хотите. Нам они не нужны».

Он тогда уже посадил огородик за коттеджем и ввозил на свою зарплату почву с материка, за-

казывал семена и вырезки. А чтобы защитить молодую поросль, стал обносить свое хозяйство каменной изгородью. Собирал по всему острову камни размером с кирпич и складывал, пока не сложил нужную высоту и длину. Затем заказал кувалду и разбил немало булыжников и валунов на берегу, чтобы укрепить изгородь щебенкой. Остров начал медленно менять свои очертания. Если бы над ним курсировал вертолет, пилот заметил бы, что бухточки с неровными каменистыми краями расширились.

Самуэль продолжил обносить изгородью остров, пока не заключил его в круг. Под этой изгородью он и хоронил тела. Обычно он проверял их карманы на предмет удостоверений личности, но безрезультатно. Только один престарелый люмпен сжимал мертвой хваткой размокшие иностранные деньги. Самуэль так и закопал его. Он выбирал места для могил подальше от коттеджа, чтобы его не беспокоил трупный запах. Но чайки чуяли мертвечину и несколько недель кружили, протяжно голоса, над теми местами, клевали камни. Со временем Самуэль научился складывать более прочные курганы, чуть выдававшиеся над землей. Но даже так чайкам иногда удавалось разворошить камни. В тех местах, где трупы оставались разлагаться под открытым небом, кладка часто проваливалась.

Самуэль отодвинул тело ногой от бочки. Положение руки изменилось, и голова съехала с плеча, повернувшись лицом вверх. На секунду оба глаза приоткрылись. Раздался хрип, и сжались пальцы на вытянутой руке, ухватив гальку.

Самуэль попятился.

— Привет, — сказал он тихо и повторил громче: — Привет.

Тело больше не двигалось, но на шее у него стал просматриваться слабый пульс. Раз-два, раз-два, вторил он морю, накатывавшему с шипением на галечный пляж.

Самуэль стал считать пульс. Пятьдесят ударов. Двести. Триста пятьдесят. Насчитав пять сотен, он повернулся к пластиковой бочке, обхватил ее посередине и, неловко подняв перед собой, побрел вслепую вверх по склону, подальше от линии прилива. Он опустил бочку набок, обложил галькой и, вернувшись к телу, насчитал еще сотню ударов сердца, после чего пошел протоптанными тропинками на мыс.

ПОКА ЕГО НЕ БЫЛО, налетели чайки. Они стояли в нескольких метрах от тела и вытягивали шеи, неуверенно пища. Одна взмахнула крыльями, приблизилась к правой ноге и несмело клюнула шорты. Но тут на тропинке появился Самуэль, толкая перед собой тяжелую тачку.

— А ну проваливайте! Вон отсюда! Вон!

Птицы взлетели и стали низко кружить, пока Самуэль толкал тачку по камням к берегу. Он поставил ее рядом с телом, взял веревку и пошел к бочке. Обвязав ее дважды поперек и дважды в длину, он примотал конец веревки к высокому валуну. Деревьев в этой части острова не было, только сухие безлиственные кусты, ломавшиеся от одного прикосновения.

Он вернулся к телу, взял его под мышки и попытался подтащить к тачке. Но не смог сдвинуть с места. Он тянул и тянул, кряхтя от натуги и не понимая, что ему мешает. Но у него занули руки и разболелась поясница. Поскользнувшись на голыше, он вскрикнул и упал навзничь, придавленный